

«РАБОТАЛ КАК УЧЕНЫЙ, МЫСЛИЛ КАК ХУДОЖНИК...»

Творчество художника лакмусовой бумажкой отражает ту эпоху, в которой он живет. По живописному наследию мастера русского авангарда Павла Михайловича Кондратьева, чья выставка идет в Ярославском художественном музее, наши далекие потомки смогут судить о том, каким был XX век. Первая мировая, унесшая жизнь отца; революционная восторженность строительства нового мира на костях старого; политические репрессии 30-х и страшная Ленинградская блокада. Десятилетия послевоенного забвения, когда единым росчерком чиновничьего пера вымарывались яркие страницы живописной истории, «оттепель» и последовавшая за ней возможность жить и говорить по-своему. Эпохи и события, сломавшие и уничтожившие не одно поколение, гнет обстоятельств и бесконечная жажда творчества – все это читается в работах удивительного художника.

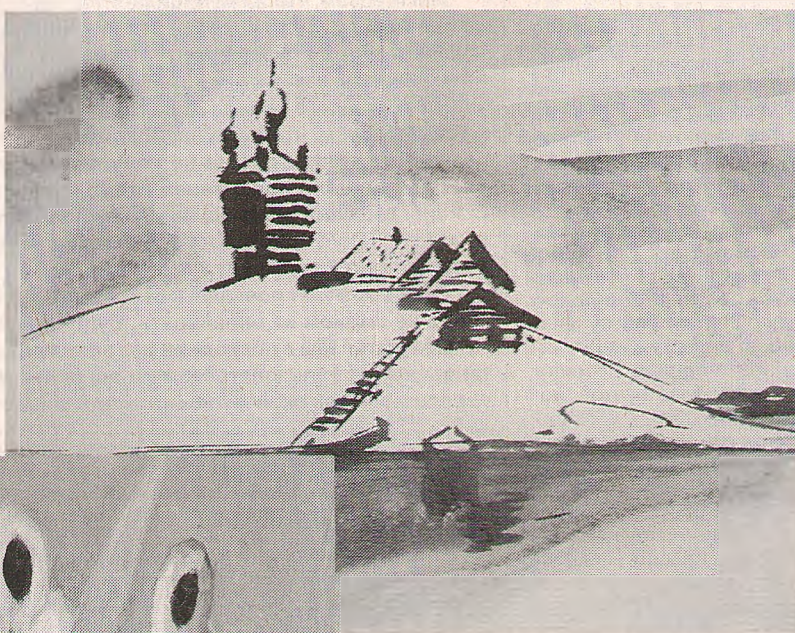
Детство и юность Павла Кондратьева прошли на Волге, в Рыбинске. Здесь он закончил школу, начал заниматься в изостудии Пролеткульта. «Решение стать художником пришло неожиданно. В 1921 году поехал в Петербург в командировку, познакомился с молодым Пакулиным, студентом училища Штиглица, и тоже захотел учиться», – рассказывал Павел Михайлович о начале своего творческого пути.

Осенью 1922 года Кондратьев был принят на 2-й курс училища Штиглица (ныне знаменитая «мухинка»). Здесь его учителем стал Михаил Матюшин, яркая, своеобразная личность. Он окончил консерваторию, был первой скрипкой императорского оркестра, но решил посвятить себя живописи. Долгие годы разрабатывал теорию переходных цветов, которая сейчас изучается во всех художественных училищах как аксиома техники письма.

В 27-м Кондратьев приходит в школу Филонова и становится членом группы Мастеров Аналитического Искусства (МАИ). От своего второго учителя Павла Филонова унаследовал понятие полноты искусства. Павла Кондратьева, углубленного в проблемы творческого процесса, называли в группе за склонность к теоретическим обобщениям «мозговиком». В это же время он начинает пристально изучать художественную манеру Казимира Малевича. Павел Кондратьев никогда не отрекался от своих учителей.

Осенью 41-го Кондратьев направлен на маскировочные работы в военно-воздушную часть. Сохранились его письма этого периода.

«О Ленинграде я думал, что больше не смогу в нем жить. А теперь, когда я объездил все кругом, вижу, что он стал для меня еще больше, чем раньше. Я абсолютно неотделим от всех его

окружающих мест, именно в том виде, как он сейчас выглядит. Это такой острый пейзаж получается, что щемит сердце. И все это я хотел бы написать и передать сейчас. Я много стараюсь по памяти нарисовать, но плохо удается». (10 мая 1944 года)

«Ну вот, все закончилось. Еще вчера шла война, а сегодня уже всюду, где были немцы, можно пройти и проехать. Но сегодня пальба везде такая, точно бой идет. Всякий выражает, как может, свою радость... Не верится, что кончилась эта страшная война и все уже позади, и теперь хочется как можно скорее опять за свое дело. Я не прирожденный военный, я художник.» (9 мая 1945 года)

О том, что по-настоящему пережил художник в эти годы, сви-

детельствуют небольшие, лаконичные жанровые зарисовки карандашом и акварелью, городские пейзажи, портреты цикла «Блокада». Как кадры черно-белой кинохроники, они неумолимо возвращают нас в эпоху страшных испытаний, выпавших на долю русского человека.

В послевоенные годы авангард вымарывается, вытравливается в угоду господствующему соцреализму. Многие художники этого времени, чтобы не убит в себе творчество, уходят в нишу книжной графики. Кондратьев – не исключение. В 53-м он по заданию издательства едет в командировку на Крайний Север – ему поручено иллюстрировать букварь для местных народов. Именно в эти

материальности, она растворяется в пространстве, но в то же время религия, глубокая внутренняя нравственность, обрядовость прослеживаются.

Сегодня в фондах Ярославского художественного музея собрано более 350 произведений живописи и графики Павла Кондратьева. Куратор выставки «Традиции русского авангарда» искусствовед Нина Павловна Голенкевич впервые познакомилась с Павлом Михайловичем в 1981 году, на его первой персональной выставке в Ленинграде. «Народ тогда просто удивлялся, что Кондратьева... показали, – рассказывает Нина Павловна. – А художник, абсолютно не избалованный вниманием, был счастлив, как мальчишка. Нас познакомили. Я написала в мастерскую, расположенную на Васильевском острове. Помню мольберт, стоявшую на нем работу, стены, завешанные картинами. У нас нашлось много общего: Ярославская створона, работа музейщиков. Я тогда так оторвалась от действительности – а это были годы, когда о приобретении в коллекцию музея произведений художников авангардистов даже нельзя было и мечтать – что предложила ему выставку в нашем музее. Но смерть художника в 1985 году не дала осуществиться планам».

После персональной выставки внимание к Кондратьеву было обостренным. И на волне этого интереса ни сам художник, ни его ученики не понимали, как могло произойти следующее. Кондратьеву предложили выставиться в Германии. Были отобраны и отправлены за границу лучшие работы. На родину они больше не вернулись. Эту трагическую ситуацию можно трактовать и в ином ключе, проведя параллель с творчеством Малевича. Ведь Казимир Малевич тоже стал знаменит лишь после того, как его работы были выставлены за рубежом. В конце концов сам факт исчезновения бесценных для нас полотен – будем надеяться, что временный – свидетельствует о признании Павла Кондратьева как величайшего из мастеров русского авангарда. За границу ушли и его работы филоновского периода. Парадокс заключается в том, что полотна были подписаны именем... Филонова. Сам Кондратьев говорил об этом без злобы, без обиды, видя в чудовищной несправедливости положительный аспект все того же признания.

Путь от идеи выставки до факта ее открытия выдержал проверку временем в течение двух десятилетий. Она состоялась не в юбилейный для художника год, а в год празднования 300-летия Петербурга. И это обстоятельство еще больше расширяет духовные границы выставки, представляя нам не просто художника, а посланца петербургской культуры.

Лариса ДРАЧ.
Фото Вячеслава ЮРАСОВА